



Семь полосатых кошек

Каждое утро Евгения Петровна, пенсионерка, хроническая больная, поднимаясь с постели, подходила к окну. Жила она на втором этаже, и пространство под окнами было ей хорошо видно.

Летом ее взору открывался газон, заросший сорняками, зимой - вытоптаный снег. В межсезонье - серая каменистая земля. Но и эти незамысловатые пейзажи становились почвой для ее причудливых фантазий.

Пожилой даме рисовались таинственные джунгли, бушующее море, по которому она плывет на старинном галеоне, просторы колосющихся полей, автобаны, по которым она летит как птица, сидя за рулем роскошного «Шевроле» или «Кадиллака». А впереди громоздятся утесы, простираются роскошные пляжи океанского побережья, блистают бриллиантовыми россыпями огней мегаполисы. Все ветры, все стихии востока и запада врывались в тесную, заставленную потертой мебелью комнатушку, стены раздвигались, и воцарялся простор. «Я живу!» - повторяла она. Много ли человеку надо? Ей было достаточно. И хотя ее фантазии были скопированы с рекламных клипов, прокручиваемых в голубом эфире, она вполне могла бы заявить о себе: «Я видела весь мир». По правде говоря, так же могли бы думать о себе сотни тысяч здоровых мужчин и женщин, по вечерам цепенеющих у домашних экранов - окон в призрачную вселенную. А предложи им кто-нибудь разрушить морок и увидеть мир наяву - они разразились бы яростными протестами: занятость, семейные проблемы, дороговизна и т.д.

Евгении спешить было некуда. И никто ее не окружал. Она плыла себе по просторам радужных грез, редко включая источник оных - издавший виды

потертый телевизор. Ей и так было хорошо, а электричество надо было экономить.

Между тем под окном шла своя жизнь. На занесенном снегом и вытоптанном газоне в беспорядке были разбросаны миски с водой, плошки, крышки от картонных коробок. Всюду рассыпан «Вискас». Кормовую базу для бездомных кошек создали сердобольные жильцы. Дважды в день приходили немолодые мужчины и женщины, приносили еду, наливали в миски воду, подкрашенную молоком, сыпали корм. Кошки сбегались со всех сторон. Садились, подобрав лапки, на снег или черствую землю и аккуратнo кушали. Еды всегда хватало всем. Драться за горсть «Вискаса» здесь было не принято.

Евгения смотрела сверху на кошек и вздыхала. Она физически ощущала их упругие тела, напряженные ноги, готовые в любой момент унести от нападения извечного врага - оскаленного, злобно рычащего пса, видела загадочные зеленые, серые, темно-карие глаза. Ей казалось, что под ее пальцами лоснится бархатистая кошачья шкурка. Пятнистые, полосатые, черепаховые... Теплые, живые. Ей хотелось взять в руки каждую. В этот момент она забывала о дальних странах, о диких лесах, саваннах и каменных джунглях Европы и Америки. Но ненадолго. Повздыхав, усаживалась у телевизора или открывала дамский роман, принесенный консьержкой. В мутном безразличии таяли воспоминания о том, как толклись, скакали, свивались в клубок молодые и сильные животные. «Должно же когда-нибудь все это закончиться?» - не раз вопрошала она себя, глядя в окно. Жизнь тянулась как надоевший кинофильм. Надо было выйти из зрительного зала на свежий воздух, но она привыкла, да и сил уже не было - все съела долгая болезнь. Попросить Вышние силы об изменении своей жизни ей не приходило в голову. Нет, против Бога и Церкви она ничего не имела. Просто все это было от нее страшно далеко и непонятно.

Приходящая помощница из управления соцзащиты готовила обед, убирала квартиру, стирала в машинке белье. Евгения знала только, что зовут ее Полина и живет она одна. Евгения, кандидат педагогических наук, считала работницу женщиной недалекой и жизнью ее не интересовалась. О чем им было говорить? Долгие месяцы вынужденной изоляции выработали у Евгении стойкое убеждение, что она - самый несчастный человек на свете что перед нею все виноваты, и ей все обязаны. Полина тоже числилась среди виноватых - была здорова и могла ходить и ездить куда хотела. Не проходило дня, чтобы больная не попрекнула этим несчастную. Та терпела, чем еще более утверждала Евгению во мнении, что ее помощница тупа и недалека.

Жизнь обеих, казалось, замерла на мертвой точке. И длилась бы так дальше, если не одно обстоятельство. Полина была верующей, ходила в церковь, исповедовалась и причащалась. Изо дня в день, порой - по ночам она горячо молилась за свою больную и других подопечных, чтобы эти люди нашли путь к Богу. Всевышний принимал молитвы - Полина, в святом крещении Пелагея, чувствовала это. Но внешне не менялось ничего. Однако капля, как известно, точит камень. И в один прекрасный день Повелитель земли и неба счел, что Евгения прошла испытательный срок, и ей можно двигаться дальше.

На Пасху Пелагея принесла Евгении кулич и несколько крашенных яиц. Раньше она никогда не делала этого. Больная недовольно скривилась, но взяла. Только спросила: А что это значит? И заметила: «Вот, все делают, а наверняка не знают, для чего. Дикари, язычники!»

Пелагея сразу поняла, что собеседница поет с чужого голоса.

- Да кто вас этому научил? - воскликнула она. За этим стоят древние предания. Церковь дает нам образцы высочайшей духовной культуры. Кулич - это освященный праздничный хлеб. Яйцо - символ жизни. Мария Магдалина вручила его со словами: «Христос Воскрес!» римскому императору Тиберию. Тот не верил в Воскресение Христа и сказал, что скорее белое яйцо покраснеет, чем он поверит в эту легенду. И оно стало ярко-красным. Император был посрамлен.

- Ну-у-у - скептически протянула больная. А куличи пекутся - ну и что же? Древние славяне всегда пекли их как символ плодородия.

- Да, но Церковь кропит их святой водой. И есть другие виды хлебов, которые выпекаются для церковной службы.

- «Примите, ядите, сие есть Тело Мое»... Пелагея внезапно поняла, что момент настал. Решила, что надо начинать с главного, и не ошиблась. Сразу же стала излагать подопечной Священную историю. Собеседница слушала ее сначала недоверчиво. Потом - с любопытством. Потом - с интересом. Повествование перевалило за второй час. Оно приковало все внимание Евгении - прежде ей никогда не приходилось слышать ничего подобного, тем более - размышлять над услышанным. У нее захватывало дух. Когда дошло до Тайной Вечери, Евгения в изумлении застыла:

- Как?! Он знал, что Иуда предаст Его? И не помешал этому?

А потом задала, как ей показалось, умный вопрос:

- Неужели других альтернатив не было? И Ему надо было умереть такой страшной смертью? Это же боль какая!

А когда слушала рассказ о страданиях Богородицы, стоящей у креста - прослезилась:

- Беденькая! На ручках носила Маленького - и вот....

Пелагея поспешила ее успокоить:

- Он воскреснет!

- Но они же не знали! - к собеседнице откуда-то пришло понимание событий.

- Знали. Но им трудно было поверить. Потому что никогда такого не было.

- А пророки? А Лазарь Четверодневный?

Пелагея чуть не упала со стула. Подопечная, оказывается, времени зря не теряла. И все запомнила накрепко. Сама же Евгения испытывала странное чувство - будто все, что рассказывала Пелагея, было ей давно известно. Будто великий Божий Закон, подобно затонувшему кораблю, долгие годы лежал в глубине ее сознания и теперь медленно поднимался на поверхность. Это было страшно, потому что непонятно.

- Ну, мне пора, - труженица поднялась, завязывая платок. Приду послезавтра.

- Обязательно приходи. И книжку принеси. А как молиться - расскажешь?

- Расскажу, конечно. Отдыхайте. Лекарство не забудьте принять.

- Да, вот, - Евгения протянула помощнице несколько купюр, - купи кошкам корм, а то после весенних гулянок котята пойдут, мамочкам питаться надо.

Оставшись одна, Евгения прислушалась к себе. Ощущение было непривычным. Вот она выслушала тяжелую, печальную историю, старую, как мир. Лучший из людей, Сын Божий, был замучен и распят. Но в душе, тем не менее, росло и ширилось огромное, никогда прежде неиспытанное счастье. Росло и заполняло всю ее до отказа, вытесняя многолетние обиды, окаменевшее уныние, тупое равнодушие к жизни. Ей стало легко, свежо и молодо. Она не знала, что делать с собой.

Подумав, встала, улыбаясь, покружила по комнате. Оделась и вышла из квартиры. Спустилась по лестнице, растворила дверь подъезда. Весна, рванувшаяся к ней навстречу, оглушила и ослепила ее. Стоя на крыльце, жадно вдохнула воздух, наполненный весенними ароматами. Сошла, с непривычки чуть покачиваясь, со ступенек вниз. И замерла.

Со двора к ней кинулись семь полосатых кошек. Окружили и принялись тереться о ее ноги, ласкаться и мурлыкать. Тут она вспомнила, что за день ни разу не включила телевизор. Да и зачем он нужен ей теперь?

*Марина Васильева
Март 2015*